

Духовность личности в отечественной философско-психологической традиции и проблемы современного правосознания

Н. В. Борисова

Личность в современном мире

Одной из актуальных *тенденций развития* психологической науки начала XXI в. является *гуманистическая*, которая охватывает комплекс проблем, направленных на обеспечение психологического благополучия жизнедеятельности человека в постоянно усложняющихся условиях современного мира (Кольцова, Журавлев, 2017). Так как глобальные преобразования (см.: Проблемы социальных конфликтов..., 2018; Психологические исследования глобальных..., 2018; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017; и др.) наносят серьезный удар по ценностям и идеалам, имеющим объективную значимость для нравственного становления личности, необходимо не только оказывать ей помощь в адаптации к изменяющимся характеристикам современной социальной реальности, но и способствовать сохранению *целостности* личности (Борисова, 2017б).

Отсутствие исторической памяти опустошает человека. «Четвертым измерением мира» называет историю Д. С. Лихачев. Человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. Культура человечества движется вперед не путем перемещения в «пространстве и времени», а путем накопления ценностей. Ценности не сменяют друг друга, новые не уничтожают старые, а, присоединяясь к старым, увеличивают их значимость для сегодняшнего дня, поэтому ноша культурных ценностей — ноша особого рода: она не утяжеляет шаг вперед, а облегчает (Лихачев, 2015).

Современная массовая культура создает «кумиров», транслирующих новые «идеалы», которые не имеют точек соприкосновения с исторически и культурно обусловленными, — идеалы гламурной жиз-

ни. Индустрия развлечений легко удовлетворяет вкусы большинства безликими «проектами», целью реализации которых является получение прибыли. Современное общество характеризуют как *общество потребления*, в котором интеллектуальное, духовно-нравственное развитие человека не является приоритетным, а система ценностей и установок основана на потреблении материальных благ (подробнее см.: Доверие и недоверие ..., 2013; Новое в науках о человеке..., 2015; Проблемы субъектов..., 2007; и др.).

Основополагающим понятием современности, заявляет отечественный композитор и писатель В. И. Мартынов, является имидж. «Имидж — это и есть абсолютная поверхность <...> не имеющая никакого внутреннего содержания <...> смысла, ибо имидж и смысл есть взаимоисключающие понятия» (Мартынов, 2017, с. 277). Престижными стали профессии дизайнера, кутюрье или куафера. «Мы живем в мире имиджмейкеров, где уже нет места ни поэтам, ни художникам, ни композиторам, стремящимся передать внутренний смысл и создающих произведения, наполненные великим содержанием. Великое является реальностью человека переживающего, в то время как для человека манипулирующего все это превращается просто в фикцию» (там же, с. 277).

Поглощение человека предметным миром, возможно, никогда прежде не имело такого тотального характера. «Человек манипулирующий» или «человек потребляющий» не только не может реализовать свою подлинную сущность, но скорее находится в оппозиции к ней. «Человек, отчужденный от природы, от жизни Вселенной, от игры ее стихийных сил, не способный соотнести себя с ними, не способный перед лицом этих сил найти свое место и утвердить свое человеческое достоинство, — это маленький человек» (Рубинштейн, 2012, с. 124).

Исследования моральной и правовой социализации россиян (1989–2017)

Приведем результаты исследований, которые демонстрируют негативные последствия происходящих в обществе процессов (см. также: Соснин и др., 2017; Социально-психологические исследования коррупции, 2017; Юревич, Журавлев, 2012; и др.).

В 1989 г. М. И. Воловикова и О. П. Николаева в рамках исследования специфики моральной и правовой социализации российского общества применили разработанный Дж. Тапп опросник (Николаева, 1992). Опросник создан для использования в условиях различных культур и предоставляет богатый материал для сравнительного

анализа, так как валидизирован на выборках респондентов из шести стран мира. Он включает в себя 15 стандартизованных вопросов, касающихся понимания личностью прав, функций законов, причин их нарушений и изменений, критериев справедливости. Анализ морально-правовых суждений осуществляется на основе теории морали Ж. Пиаже, дополненной Л. Колбергом.

Колберг выделяет три уровня морального развития: 1-й — *доконвенциональный* (нормы понимаются как нечто внешнее, человек им следует лишь под давлением авторитета или страха наказания); 2-й — *конвенциональный* (желание соответствовать стереотипам, принятым в обществе, поддерживать отношения доверия, уважения и лояльности); 3-й — *постконвенциональный* (следование высшим этическим принципам). Согласно Колбергу, если закон противоречит принципам справедливости, равенства человеческих прав, человек имеет «право» действовать в согласии с принципами, а не с законом.

Респондентами в исследовании Николаевой были студенты педагогического вуза Курской области в количестве 100 человек в возрасте от 18 до 25 лет, которые в индивидуальном порядке ответили на вопросы анкеты. Полученные ответы подвергались количественному и качественному анализу.

Было выявлено, что в отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация осуществляется через подражание принятым в обществе нормам и законам, в нашей стране наблюдалось либо «застывание» на начальной стадии морального и правового развития, когда послушание обеспечивается с помощью страха наказания либо через высший уровень морально-правового развития — *опору на высшие этические принципы и совесть*. В правовом сознании российских респондентов были разделены понятия «закон» и «нравственность» в отличие от респондентов, принадлежащих западному обществу. Законы воспринимались в качестве атрибута государства, как нечто «внешнее», обладающее функциями наказания и ограничения свободы. Права личности понимались как права на различные свободы либо, как и законы, они «отчуждались» по причине несоответствия реальной действительности.

В 2017 г. нами было проведено исследование с применением данной методики на соответствующей возрастной выборке, которую составили студенты вузов Московской области (Борисова, 2017а).

Приведем таблицу 1 кросс-культурных данных Тапп и Николаевой, дополненную данными, полученными нами в 2017 г. В таблице представлено распределение ответов на вопрос «Может ли человек быть правым, нарушая закон?». Как и Николаева, к 3-му уровню мы

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос № 15 использованной анкеты (Может ли человек быть правым, нарушая закон?)

Уровни	Япония	Греция	Дания	Индия	Италия	США	Россия 1989	Россия 2017
1 (нельзя)	29	52	42	47	23	18	15	13
2 (экстремальность)	36	18	44	30	17	64	39	21
3 (нравственность)	20	18	9	22	38	15	36	9

относили ответы, в которых указывалось, что нарушение законов может быть необходимо в случае их противоречия морально-этическим принципам, принципам справедливости. Лица, находящиеся на 2-м уровне правового развития, признают в целом изначальную справедливость закона, поэтому считают, что нарушение его возможно лишь в экстремальных случаях. Человек, находящийся на 1-м уровне правового развития, не допускает возможность нарушить закон.

Произошли важные изменения в правовом сознании молодых россиян в период с 1989 г. по 2017 г. Значительно сократилось число ответов, относящихся к 3-му уровню (с 36% до 9%). Сократилось также число студентов, рассматривающих возможность нарушения закона в экстремальных ситуациях (с 39% до 21%). Данный пункт анкеты оказался одним из наиболее трудных для респондентов: 25% отказались отвечать на вопрос, 25% ответили утвердительно, но не пояснили свою позицию.

В целом исследование позволило сделать следующие *выводы*. В правовом сознании современных молодых людей сохраняется разделение понятий «закон» и «нравственность». Законы по-прежнему воспринимаются в качестве атрибута государства, как нечто «внешнее», обладающее функциями наказания и ограничения свободы. В суждениях проявляются недоверие к законам, сомнения в их справедливости, действенности на территории Российской Федерации (см.: Доверие и недоверие..., 2013; Россия..., 2007; Современная социальная реальность..., 2014; и др.). Сохраняется тенденция к обретению прав на различные свободы. *Произошло значительное снижение значимости важной составляющей правосознания — опоры на нравственные принципы*. Снизился страх перед наказанием и авторитетом власти. Не имея иных ориентиров в морально-правовой сфере, современные молодые люди оказались в ситуации правовой дезориентации. В результате 8% лиц ответили, что полностью игнорируют закон.

Активное продвижение западных ценностей в условиях процесса глобализации современного мира (Доверие и недоверие..., 2013; Журавлева, Журавлев, 2001; Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.) ведет к подрыву национальной и культурной идентичности и утрате традиционных смысло-жизненных ориентиров. Еще в 1930-х годах Х. Ортега-и-Гассет, автор книги «Восстание масс», констатировал, что власть в западном обществе захватил новый тип человека, равнодушный к собственным корням, но отчетливо равнодушный к пилюлям, автомобилям и другим «дарам» цивилизации (Ортега-и-Гассет, 2017). Утрата нравственных ориентиров, выявленная в ходе исследования правового сознания российской молодежи, заставляет вспомнить сформулированные им выводы об этической индифферентности сформировавшегося в XX в. массового общества: «Не стоит облагораживать нынешний кризис, видя в нем борьбу двух моралей или цивилизаций, обреченной и новорожденной. Массовый человек попросту лишен морали, поскольку суть ее — всегда в подчинении чему-то, в сознании служения и долга. Но слово „попросту“, пожалуй, не годится. Все гораздо сложнее. Попросту взять и избавиться от морали невозможно. То, что грамматически обозначено как чистое отсутствие — безнравственность, не существует в природе. Если вы не расположены подчиняться нравственным устоям, будьте любезны подчиниться иной необходимости и <...> жить наперекор им, а это уже не безнравственность, но противонравственность. Не просто отрицание, но антимораль» (там же, с. 217).

Единственный путь, ведущий к достойному решению поставленных современным миром проблем, несущих угрозу целостности личности, ее достоинству, — сохранение верности своим культурным корням, опора на отечественную философско-психологическую традицию, которая отличается глубоким погружением в познание специфики подлинного человеческого бытия и пониманием человека, в первую очередь, как *духовной личности*.

Понятие «духовная личность» в истории философско-психологической мысли

Понятие «духовная личность» было введено в психологическую науку американским психологом У. Джемсом (1842—1910). Он предложил одну из первых в психологии теорию личности. Самосознание человека, по его мнению, является двойственным — познаваемым и познающим, объектом и субъектом. Познающий элемент понимается как «чистое я»; познаваемый называется личностью, «эмпирическим

я». «Эмпирическое я», или личность, подразделяется на: *физическую* личность, к которой относятся собственная телесная организация, дом, семья, состояние и т. д.; *социальную* личность как форму признания в нас личности со стороны других людей; *духовную* личность как единство всех духовных свойств и состояний человека.

Высшими проявлениями духовной личности психолог считал религиозные стремления. Он расширил понятие опыта, включив в него религиозные переживания, мистические состояния (Джемс, 2010). Нормальное, «разумное» сознание представляет лишь одну из форм сознания, при этом другие, совершенно от него отличные формы существуют рядом с ним, отделенные от него лишь тонкой перегородкой. Религиозные переживания человека, утверждал он, представляют для психологов не меньший интерес, чем любое другое явление человеческого сознания.

Анализируя религиозные переживания людей, Джемс пришел к выводу, что человек, живущий религиозным чувством, отличается от своего «плотского я». Плоды религиозных состояний представляют то, что называют святостью. Черты святости: ощущение более широкой жизни, чем полная мелких интересов, себялюбивая жизнь земных существ; убеждение в существовании верховной силы, достигнутое не только усилиями разума, но и путем непосредственного чувства; чувство интимной связи между верховной силой и жизнью человека и добровольное подчинение ей; безграничный подъем и чувство свободы, соответствующие исчезновению границ личной жизни; перемещение эмоционального центра личной жизни по направлению к чувствам, исполненным любви и гармонии.

В то же время, по мнению Джемса, религиозная жизнь делает человека «эксцентричным» и не похожим на других, вводит в «остролихорадочное душевное состояние». Религиозные люди проявляют «симптомы нервной неустойчивости», «психической ненормальности», экзальтации. Часто их внутренняя жизнь раздираема противоречиями, многие подвержены меланхолии, страдают навязчивыми идеями. Такие люди легко впадают в фанатизм самоистязания, легковерие, излишнюю шепетильность.

В анализе описываемых переживаний Джемс не критичен, доверяет их носителям, принимая все переживания за «откровения свыше». Многие приводимые Джемсом примеры имеют характер экзальтированности, упоения собственными переживаниями, сопровождаются чувством избранности, готовности наставлять других. Также он не делает должных различий между мистическими состояниями, приходившими спонтанно, независимо от желаний людей,

и случаями их произвольного вызывания, искусственной стимуляции, например, с помощью эфира, окиси азота, которые рассматриваются им как «могучие стимулы к пробуждению мистического сознания».

Современник Джемса, крупный отечественный философ и богослов, профессор Казанской духовной академии *В. И. Несмелов* (1863–1937), в 1898 г. издал труд «Наука о человеке», в котором духовная личность рассматривается в контексте православного учения о человеке. А. Храповицкий, выдающийся религиозный деятель XIX–XX вв., автор философско-нравственных работ, назвал данный труд серьезным событием в истории философии. Уникальность концепции человека в творчестве Несмелова, по мнению Е. К. Веселовой, достигается гармоничностью сочетания глубоких философско-антропологических оснований с тонким психологизмом. Несмелов осуществляет анализ наиболее сложных экзистенциальных проблем человека в эсхатологической перспективе, логически и психологически увязывая такие разномасштабные категории, как цель мирового бытия и смысл жизни отдельного человека (Веселова, 2000).

Религиозно-философский анализ мыслителем природы человека связывает его существование с бытием «Безусловной Личности». «И мы достоверно знаем в познании себя самих, что хотя наша собственная личность существует только в необходимых условиях физического мира, однако природой своей она все-таки выражает не мир, а истинную природу самого Бесконечного и Безусловного» (Несмелов, 2000, с. 251) Образ безусловного бытия — не порождение человеческой мысли, не абстрактные понятия, получаемые путем простого отрицания чувственного содержания жизни, а реальность сверхчувственной природы личного бытия.

Несмелов в основу своей философской системы ставит факт рокового противоречия в бытии человека. С одной стороны, душевная жизнь представляет собой процесс *внешнего самоопределения личности* в условиях ее физического существования. С другой стороны, душевная жизнь — процесс *внутреннего самоопределения личности*, и в этом отношении она от физических условий жизни не зависит (на сложнейшие связи внешних и внутренних факторов самоопределения личности и группы в новой экономической среде обращают серьезное внимание и современные исследователи, например: Купрейченко, Журавлев, 2009; и др.). Привязанность к физическому условному существованию и понимание необходимости идеального безусловного существования человек переживает как противоречие, выйти из которого невероятно трудно.

Только обращение личности к *ценностям нравственного идеала*, которые ученый называет ценностями «не от мира сего», позволяет преодолевать роковое противоречие. Но пока человек только мыслит о Боге, он богословствует, и пока он только мыслит о своем отношении к Богу, он философствует, когда же человек обращается к жизни по образу Бога, он осуществляет религию как живое стремление к отображению в мире Бога путем свободного уподобления Ему. Несмелов формулирует *правило нравственной жизни*: я должен так жить, потому что это богоподобно и, стало быть, истинно человечесно.

Мыслитель выделяет истинное и ложное *нравственное самоопределение* личности. Судить о нравственном самоопределении можно, только исходя из мотивов поведения, которые Несмелов делит на *эмпирические* и *духовные*. Эмпирические мотивы характеризуются осуществлением «добродетельных» поступков ради предполагаемой выгоды. Духовные мотивы характеризуются осуществлением нравственного идеала ради его безусловной истинности. В ситуации ложного нравственного самоопределения высшее правило нравственной жизни — я должен так жить, потому что это богоподобно и, стало быть, истинно человечесно, подменяется практическим соображением: мне следует так жить, потому что это для меня выгодно. Так, человек может совершать «добродетельные» поступки, получая удовольствие от собственных «нравственных достижений», стараться избегать действий, за которые ему грозят наказания в будущей жизни, и т. д. Окружающими и самим человеком эти поступки могут оцениваться как положительные и даже прекрасные, но Несмелов приходит к выводу, что поступки, совершенные во имя выгоды, не могут быть нравственными. Все расчеты человека о выгоде не имеют никакого отношения к содержанию нравственного сознания, потому что мотивы совершения их возникают не из познания нравственного идеала.

Выдающийся ученый, мыслитель, философ, публицист и общественный деятель *И. А. Ильин* (1883–1954), один из представителей русской религиозно-философской традиции XX в., продолжил изучение духовной личности. Творчество Ильина демонстрирует масштабность исследования проблемы. Фундаментальность разработок ученого позволила ему назвать книгу Джемса «Многообразии религиозного опыта» «бездуховным коллекционированием случаев». «Неверующий ученый в лучшем случае соберет сухую коллекцию чужих переживаний — по типу Уильяма Джемса» (Ильин, 1998, с. 522).

Человек, уверен Ильин, становится религиозным в истинном смысле лишь в меру своего одухотворения. «Неодухотворенная ду-

ша» может иметь только видимое подобие религиозности: она будет предаваться «страху» или «успокоению», питать суеверия, находиться во власти «мечтаний», «волнений», «экстазов». Но все это лишь суррогат настоящей религии. «Обретая и выговаривая аксиомы религиозного опыта, я с самого начала убедился в том, что я не могу и не должен идти индуктивным путем, т. е. изучать все те явления, которые в житейском обиходе, а подчас и в литературе называют „религиозными“: нет надобности собирать бесконечную галерею таких явлений с тем, чтобы исчерпать их неисчерпаемый объем и извлечь из них возможные „обобщения“. Я убедился в том, что мне пришлось бы считаться с длинным рядом человеческих предрассудков, суеверий, страхов, блужданий и заблуждений, с явлениями страстной слепоты, неистовости и противорелигиозной магии, с большими состояниями <...>, т. е. с такими явлениями, где аксиомы духовно-здорового, сущего и подлинного религиозного опыта утрачены или прямо отвергнуты и попораны» (Ильин, 2004, с. 8).

Граница между духовностью и недуховностью, отмечает мыслитель, отнюдь не совпадает с границей между внутренним нематериально-духовным и внешним пространственно-протяженным. Чем глубже вникает в мир человек, тем более он удостоверяется в том, что мир полон «таинственной разумности» и «духовной значительности». Великие святые отвергали не «внешне-протяженный мир предметов», не созданную Богом природу, а «мир» искаженных состояний человека. Духовно-зрячий человек видит «пошлость пошлого» как «несостоявшуюся духовную значительность» (там же, с. 287). Если человек взирает на объективно значительные предметы, а воспринимает пошлые содержания, то это коренится в его собственной душе.

В силу законов природы человек индивидуален и самостоятелен — он творческий организм. В силу законов духа человек духовен и социален — он творческая личность. Человек как природный организм должен стать духовной личностью, а духовная личность должна принять законы природного организма. Достигнуть этого человек может только на путях *духовного катарсиса*. Раскрывая это понятие, Ильин напоминает о том, что эта идея древняя и глубокая. В основе духовного катарсиса лежит осознание присущей всем предметам внутренней духовной значительности. Духовный катарсис имеет свои этапы — от освобождения человеческой души от духовной слепоты, к построению и укреплению духовности. На первой стадии духовного очищения катарсис обнаруживает неверное состояние души, приводит к осознанию и признанию несостоятельности ее актов, пошлости ее содержания, ничтожности целей. На второй ста-

дии катарсис создает религиозно верные акты и укрепляет их. Трудность состоит в том, что духовный акт в его строении не осознается (или почти не осознается) его носителем. Намеренное (произвольное) наблюдение дается здесь с трудом и немногим людям. Сам акт имеет инерцию и противится обновлению. Внешние факторы, влиявшие на его формирование, кажутся непреодолимой силой, а внутренние, слагавшие его, кажутся большинству людей совершенно неисследованными. Ильин подчеркивает, что надо перестраивать личный религиозный акт, независимо от телесного устройства с его наследственностью и склонностями, от социального окружения, воспитания, — вопреки всем неблагоприятным факторам.

Необходимо заполнить жизнь, уверен Ильин, духовно-значительным, сосредоточить душевно-духовные силы на *познании объективной реальности и ее духовно-нравственных законов*. Поиск предельных духовных смыслов должен стать главной жизненной ценностью, центром личного бытия человека. Поколение людей, которому этот поиск совершенства чужд и непонятен — поколение мертвое, слепое и обреченное.

Литература

- Борисова Н. В. Особенности правового сознания современной российской молодежи // Вестник университета Российской академии образования. 2017а. № 4. С. 35–42.
- Борисова Н. В. Проблема целостности личности в отечественной психологии // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017б. С. 652–659.
- Веселова Е. К. Психологическая концепция человека в трудах В. И. Несмелова // Диалог отечественных светской и церковной образовательных традиций: Материалы Покровских педагогических чтений, 12–14 октября 2000. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. С. 107–110.
- Джемс У. Многообразие религиозного опыта. М.: КомКнига, 2010.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Журавлева Н. А., Журавлев А. Л. Влияние социально-экономических изменений в российском обществе на ценностные ориентации личности // В. М. Бехтерев и современная психология, психотерапия: Сборник статей к конференции. Казань: Изд-во КазГУ, 2001. С. 31–36.

- Ильин И. А.* Собр. соч. В 10 т. М.: Изд-во Русская книга, 1998. Т. 8.
- Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2004.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Современные тенденции развития отечественной психологической науки // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2017. С. 25–34.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Структура и детерминация экономического самоопределения личности // *Человек—наука—гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова.* М., 2009. С. 731–746.
- Лихачев Д. С.* Мысли о жизни. Письма о добром. М.: КоЛибри—Азбука-Аттикус, 2015.
- Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Мартынов В. И.* Зона opus posth, или Рождение новой реальности. М.: ИД «Классика-XXI», 2017.
- Несмелов В. И.* Наука о человеке. СПб.: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000.
- Николаева О. П.* Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1992.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2017.
- Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке. М.: Когито-Центр, 2007.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2 т. М.: ИСПИ РАН, 2014. Т. 1.
- Соснин В. А., Китова Д. А., Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психо-

- логических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное. Новосибирск, Изд-во НГПУ, 2017.
- Социально-психологические исследования коррупции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Нравственные проблемы современной России (вместо введения) // *Нравственность современного российского общества: психологический анализ.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–20.